

Фуркало Виктория,
Уманский государственный педагогический
университет имени Павла Тычины

ХАСИДИЗМ РАББИ НАХМАНА ИЗ БРАЦЛАВА

В 2010 году исполнилось 200 лет со дня смерти основателя брацлавского хасидизма Нахмана бен Симхи (1772-1810). Более 23 тысяч его последователей почтили память своего учителя, прибыв к месту его захоронения в Умани в Украине. Они продолжают тщательно изучать и пропагандировать наследие своего наставника.

Особенная роль в истории хасидского движения принадлежит проповедям, сказочным историям и притчам, провозглашенным подольским рабби Нахманом. Идеальный потенциал его наследия дает нам основания утверждать о наличии своеобразного учения, особенность которого состояла в обновлении на более углубленном уровне простоты хасидизма его прадеда Израиля Бешта. За словами С. Дубнова, Нахман Брацлавский «пытался возратить хасидизму ту сердечность и теплоту, которые отличали его во времена Бешта»[3, с.99]. В этом отношении можно говорить о своеобразном, так называемом брацлавском хасидизме, основоположником которого был знаменитый учитель, «который нес в свет огромный интеллектуальный вызов и духовное потрясение»[2, с.13].

Г. Шолем, И. Брейтер, С. Дубнов, А. Гринбаум, А. Стриковский, Э. Визель, И. Туров, А. Грин, З. Крупицкий, А. Штейнзальц, Б. Стоппнер, Т. Гейликман в своих трудах исследовали основные аспекты религиозной доктрины Нахмана, опираясь на такие его сочинения, как «Книга моральных качеств», «Сказочные истории», «Ликутей Магаран» и на работы личного писаря Нахмана Натана Штернгарца «Беседы рабби Нахмана», «Прославление рабби Нахмана», «Жизнь рабби Нахмана».

Выяснение особенностей вероучения брацлавского хасидизма начнем из констатации его выразительного личностного наполнения, то

есть, видения сквозь призму мировосприятия самого рабби Нахмана. В этом оригинальность и существенное отличие брацлавского хасидизма от других направлений периода утверждения хасидизма в еврейском мире. А. Грин был убежден в том, что в брацлавском хасидизме «мы находим совершенно личностное использование еврейской традиции во всей ее целостности – в такой степени и в такой форме, которые ранее были неизвестны. Смятение чувств индивидуализма и тайны теологи так тесно переплелись здесь друг с другом, что любая попытка различения между ними есть бессмысленной» [6, с.245]. Выразительный индивидуальный отпечаток брацлавского хасидизма проявляется в предоставлении личности рабби Нахмана исключительной уникальности и неповторимости на фоне в общем упрочившихся последователей традиционности иудаизма. В частности, рабби Натан верил в то, что его Учитель был последним в ряду тех, кто равняет путь, по которому в будущем будет идти Мессия.

Подобная акцентуация брацлавских хасидов на профетической исключительности Нахмана (такую же исключительность высказывал в своих трудах и сам Нахман) вызвала решительный отпор со стороны раввинов. В свете подобной профетичности понятно, что сам рабби Нахман приоритетное значение придавал необходимости лелеять веру в Благословенного (его любимый эквивалент для обозначения Господа) и верить в свою пророческую миссию. Более тесно коснемся понимания основоположником брацлавского хасидизма проблемы веры.

Рабби Нахман очень высоко ценил значимость веры в религиозной жизни евреев. По его высказыванию: «Мир относится к вере, как к чему-то незначительному, но я считаю, что вера – главное в жизни [1, с.5]. В чем тогда состоит приоритетность веры? По мнению рабби Нахмана, именно верой приобщается человек к Господу. А смысл человеческого бытия состоит в приобщении к Единственному. По словам рабби Нахмана: Главное приобщится к Единственному, а это достигается познанием Его,

Благословенного» [7, с.160]. Только верующий может познать Имя Его, пусть будет Он Благословенный» [6, с.242]. То есть, идеал לִקְרַב , единение человека с Богом осуществляется прежде всего в акте веры. К тому же вера в силу присущей ей простоте и искренности доступна всем благочестивым. «Начерти перед собой буквы слова «Емуна» (вера) и благодаря этому ты не навлечешь на себя никакого позора», - поучал рабби из Брацлава [6, с.242].

Как человек может прийти к вере? По мнению рабби Нахмана, к вере мы можем прийти путем самой веры. В его понимании: «Вера – это инструмент, изготовленный этим же инструментом [6, с.258]. Поэтому рабби из Брацлава в своей «Книге моральных качеств» призывает: «Нужно верить в Благословенного, следуя путем веры, а не дорогой доказательства» [6, с.258]. Сделаем замечание, что рабби Нахман несколько односторонне объясняет проблему соотношения веры и разума, склоняясь в пользу веры. Показательной в этом отношении есть сказочная история «Об умном и простаке», где превозносится простая вера, которая хотя и является наивной, однако вовсе не ошибочной. Именно вера оберегает простака от осложнений, способствует усвоению элементарных истин, не позволяет исказить суть вещей. Мудрость, которая отождествляется с постоянным доискиванием смысла веры и сопровождается интеллектуальным беспокойством, в конечном итоге приводит к сравнению, критике, скепсису, а значит, -к вероотступничеству. В этой истории рабби Нахмана умный даже приходит к сомнению относительно существования царя (символа Бога).

Согласно воззрениям рабби Нахмана, разум в деле богопознания идет за верой, но не предводительствует ей. В связи с этим существенным выступает замечание еврейского исследователя А. Цейтлина: «Новое, привнесенное им (рабби Нахманом) в иудаизм, состоит в том, что он различал разум, что предводительствует вере, и разум, что следует после

нее. Разум, что идет перед верой – это ересь, не что иное как мудрость идолопоклонничества» [6, с.258]. В контексте брацлавского хасидизма признается только «разум высший», разум, что следует за верой. А поэтому любые мудрствования, размышления, анализ, не обусловленные верой, объявляются вредными для человека. Появление веры, вызванной рациональными доказательствами, брацлавскими хасидами воспринимается проблематично. Рабби Нахман проявлял чрезмерную категоричность, утверждая: «Вера рождается в безмолвии...» и «Молчание... является матерью высшего разума, что следует за верой» [6, с.259]. Отсюда и совет рабби Нахмана, согласно которому: «Если появляется у тебя какой-то сложный вопрос, обращенный к Всевышнему, - молчи и благодаря молчанию твои мысли сами подскажут тебе ответ на твой вопрос» [6, с.259].

Апология безмолвия брацлавским учителем свидетельствует о его четком отношении к философским поискам. Следует заметить, что рабби Нахман запрещал своим ученикам изучать работы Маймонида и других еврейских мыслителей. Хотя, судя по его сочинению «Ликутей-Могаран», рабби Нахман был ознакомлен с работами Маймонида и рационалистов. Он, вероятно, был уверен, что их аналитические рассуждения не принесут вреда его учению, поскольку он владел «высшим разумом». Иное дело знакомство с этими работами его учеников, которые, по его мнению, могли легко попасть в ловушку рациональных доказательств и скепсиса.

Рабби Нахман настаивает на внутренней одухотворенности мира, которая является продуктом Божественной вездесущности. В контексте учения брацлавского рабби можно говорить о принципе имманентизма, который он объясняет как божественное наполнение мира путем рассеивания священных искр. Более того, по мнению рабби Нахмана: «... В различных событиях, что случаются с человеком, припрятан голос Бога, который зовет его – тихий, негромкий голос. Поймите это» [1, с.16]. При

этом кардинальным в понимании рабби Нахманом принципа имманентизма есть положение о божественной, вследствие сверхъестественной креативности, наполненности всех, даже мизерных частичек этого мира. По его словам: «Без Его (Бога) животворящей силы невозможно ни одно существование. Поэтому, без сомнения, в любом нашем слове, действии, мысли будто обернут Благословенный. И даже преступление, то есть поступок, который противоречит Его воле, невозможно осуществить при отсутствии силы, что вытекает из Него, пусть даже неочевидной и слишком убыточной» [6, с.43]. Отсюда и призыв рабби Нахмана к человеку: постоянно учитывать наличие сущности вещей, предметов и явлений этого мира, которые неустанно оживляет Бог. При этом подобную одухотворенность мира человек должен воспринимать верой и осознавать как явление, понятное само собой. По рабби Нахману: «Нужно знать, что славой Его наполняется весь мир и нет места, свободного от Его присутствия» [6, с.44].

Следовательно, Божественная вездесущность посеяна везде. Все же насколько полно она проявляется? Согласно представлениям рабби Нахмана, присутствие Бога в вещах, событиях и явлениях мира проявляется неодинаково. В некоторых проявлениях ее наличия достаточно только для обеспечения жизнедеятельности каких-то предметов и явлений. По его словам: «Во всех проявлениях материального начала и в жизни всех языческих народов можно отыскать присутствие Божественного, поскольку без проблеска Божественного невозможным становится никакое существование... Однако проблеск Божественного там предельно ущербный, его достаточно лишь для поддержания жизни и не более» [6, с.44]. Только в духовных явлениях и в жизни еврейского народа Божественное присутствие проявляется наиболее адекватно. А существуют такие страны или сферы, где Божественное присутствие не ощущается. Подчеркнем, что во многих сказочных историях рабби Нахман

рассказывает о тех странах, где присутствие Бога не наблюдается. Тема отсутствия божественных искр достаточно любима в его притчах и рассказах.

Следствием уяснения принципа имманентного является своеобразное решение проблемы теодицеи в брацлавском хасидизме. Согласно этому принципу, божественные искры рассеяны везде в материальном мире. В злых существах, качествах, событиях чувствуется присутствие Бога. Однако во всех этих проявлениях зла скрывается добро, даже в сердцевине зла оно есть. По мнению Нахмана, зло лишено всяческой сущности, оно не самостоятельно, потому не способно к настоящему творению. Как утверждал Нахман: «Воистину нет никакого зла в мире, все – благо, все – едино! Корень страданий, которые испытывает человек, состоит в том, что, будучи лишенным знаний, он не способен постичь конечную их цель, которая является цельным благом» [6, с.128]. Зло как в человеческой душе, так и в окружающем мире можно побеждать не его искоренением, а просто превращением негативного в позитивное. То есть, согласно представлениям брацлавских хасидов, зло следует возвращать к его основе, к добру.

Божественная вездесущность также служит своеобразным напоминанием человеку и всем существам о необходимости их возвращения к Творцу. Отсюда и особенности трактовки рабби Нахманом принципа тшувы – возвращения к Богу. По его словам: «Отыщите в каждой вашей мысли, слове и деле проявление желания Господа вдохновить вас вернуться к Нему с верой...» [1, с.36]. Основой тшувы, по мысли брацлавского учителя, есть постоянное соблюдение человеком спокойствия. Хасид должен сохранять спокойствие, безмятежность духа, даже под давлением пренебрежительности, обид и презрения. Поэтому осознание человеком того, что все возвратится к Богу, помогает ему стойко и спокойно переносить все обиды и не отвечать на зло злом, тем

более, что злые слова, мысли и поступки в основе своей являются добром. Понятными становятся воззвания рабби Нахмана: «Если люди ущемляют или обижают вас, сохраняйте спокойствие. Это искоренит зло в вашей душе, изгладит грехи, которые превратятся в чесноты» [1, с. 36].

Своеобразным следствием тшувы является и осязаемая в проповедях брацлавского рабби апология радости и веселья. Обратим внимание при этом на призывы Нахмана: «Будьте всегда веселы. Превратите горе и скорбь в счастье и радость, принимайте все в жизни с любовью. Никогда не впадайте в отчаяние... научитесь служить Господу с радостью, с танцами, аплодируя в ладоши. Особенно радостными будьте во время учения и молитвы» [1, с.36]. Идеалом хасида провозглашается рабби Нахманом простак – главный персонаж сказочной истории «Об умном и простаке». Брацлавский рабби с восторгом рассказывает о том, что простак умеет радоваться и радуется постоянно всему, несмотря на нужду, на неприятные ситуации в своей жизни. По его словам: «В радости – неисчерпаемый источник благ. Поэтому радость простака придает его служению большей ценности» [5, с.80].

Объяснение рабби Нахманом принципа имманентного как постоянного непрерывного всепоглощения, всенаполнения Богом, ставит под сомнение утверждение пространственно-временных измерений как таковых. В своих сказочных историях брацлавский рабби никогда не привязывается к определенному хронологическому отрезку или к определенному месту. Понятие времени, как и понятие места, являются чужими для учения Нахмана. Его истории, как обычно, начинаются словами: «Был когда-то один царь [купец, багач] и т.д.», а персонажи его историй вроде бы пребывают одновременно, одномоментно в своеобразной перепутанности временных отрезков. Более того, брацлавский рабби откровенно утверждал: «Времени не существует. Прошлого уже нет, будущего все еще нет, а настоящее как взмах ресниц.

Отсюда следует, что время человеческое сводится к тому скоротечному мгновению, в котором человек пребывает» [7, с.200] . Отсюда и вся трагичность человеческой судьбы, учитывая то, что Бог дает человеку все, кроме времени. С другой стороны, время настолько становится неотъемлемой сущностью жизни человека, что он этого даже не осознает. При этом еще раз акцентируем: существование человека во временных координатах является призрачным, поскольку реальностью владеет только Бог, который пребывает вне времени. Поэтому основным правилом служения Господу рабби Нахманом провозглашается: «Жить сегодняшним днем. Человек должен думать лишь о сегодняшнем дне и настоящем моменте»[1, с.38]. Итак, брацлавский хасидизм утверждает атемпоральность – черту, присущую целостному мистическому мировоззрению.

Рабби Нахман в своих поучениях уделял особое внимание как значимости молитвы, так и особенностям ее провозглашения. Ценность молитвы состоит в том, что, по словам Нахмана: «Человек должен молиться, чтобы быть достойным сказать хотя бы слово чистой, абсолютной правды перед Господом» [1, с.2]. При этом молиться нужно «не жалея себя, во всю мочь, и она (эта сила) вливается в каждую букву молитвы... тогда твои собственные силы обновляются»[6, с.45]. Своеобразная ода молитве, ее исключительной ценности для верующего человека звучит в таком высказывании рабби Нахмана: «Когда человек имеет намерение молиться и провозглашать слова молитвы, он как-бы собирает прекрасные цветы, как тот человек, что выходит в поле и подбирает цветок к цветку, соединяя их вместе. А потом собирает другие цветы и соединяет их в новый букет, присоединяя их к первому. Так ходит он, собирает и составляет несколько благоухающих и красивых букетов. Также продвигается человек в молитве – от буквы к букве, пока не соединит несколько букв и не сложит с них пучок, а потом целое слово и

два слова, а потом идет и собирает еще, пока не закончит одно благословение. И опять собирает, продвигаясь все дальше и дальше...» [6, с.187]. Во время провозглашения молитвы не нужно ни думать, ни мыслить, ни мудрствовать. В молитве следует забываться, то есть, человек должен возносить молитву Господу в состоянии самозабывчивости, эмоциональной интенсивности, в состоянии сосредоточенности на Боге. При этом, согласно наставлениям «Ликутей-Могаран» (глава 9), каждый человек должен связывать свою молитву с молитвой праведника, который, в свою очередь, «умеет направлять и возносить каждую молитву в «надлежащие ворота»[6, с.185].

Возникает потребность более детального рассмотрения проблемы праведника (цадика), такой, какой она объясняется в поучениях, наставлениях и рассказах рабби Нахмана. Большинство исследователей хасидской доктрины убеждены в том, что самой важной идеей в сочинениях брацлавского рабби является именно идея цадика. Сразу же отметим: в работах рабби Нахмана идея цадика претерпевает определенную трансформацию и особенную смысловую нагрузку. Возможно, такая смысловая нагрузка понятия «цадик» является весомым аргументом в пользу оригинальности брацлавского хасидизма. Начнем с того, что рабби Нахман в своих поучениях четко различает цадиков – современных ему руководителей хасидских общин и цадиков истинных, или цадиков поколений. Поэтому, не желая быть таким, как другие цадик, он подвергает их привычки, образ жизни, недостатки сокрушительной критике. В частности рабби Нахман откровенно насмехается над рассказами о чудедеяниях, пророчестве цадиков. Вообще он относился довольно скептически к способности современных ему цадиков вмешиваться в развитие событий этого мира. Так, когда кто-то из простых людей обращался к нему со своими материальными пртребностями, он, как правило, отвечал: «Вы уподобляетесь тем людям, которые мешают

пионеру, что задался целью сделать из пустыни плодородную землю. Я забочусь день и ночь только об одном: как бы обратить пустыню вашего сердца в пристанище для Бога, а вы своими никчемными интересами мне мешаете в моем святом деле» [4, с.12].

Подобная антицадикская направленность проповедей и историй, провозглашенных рабби Нахманом, поражала современников. Однако брацлавский рабби противопоставлял этим лжецадикам настоящих праведников, которых безмерно идеализировал. Настоящий, истинный цадик – это, по словам рабби Нахмана, «тот, кто открывает совсем новые ворота в чертогах вышних, открывает новое небо и новую землю, привлекает благодать с наиболее отдаленных миров, открывает нам величие святости, скрытое на протяжении многих поколений» [6, с.169]. Праведник же, согласно представлениям рабби Нахмана, будто бы олицетворяет собой критерий мудрости, которую передает своим последователям. Причем подобного рода мудрость вовсе не состоит в накоплении определенных знаний. Наоборот, рабби Нахман считает, что «человек может быть великим праведником, несмотря на то, что он не учился много» [6, с. 243]. Скорее под мудростью понимается способность праведника «читать в сердцах», раскрывать то, что происходит в душах человеческих. Миссия праведника состоит в духовном обновлении этого мира, привнесении совершенства и завершенности в этот мир, чтобы последний мог предстать во всем своем достоинстве перед Господом. Отсюда и торжественные характеристики истинных цадиков, которые звучат в таких высказываниях рабби Нахмана, как: «Праведник – это образ Всевышнего, запечатленный на поколении». Основная миссия праведника – исправлять души и освобождать их от зла, страданий, мытарств этого мира. Однако устранить страдания, притеснения этого мира праведник может лишь при условии погружения вглубь этих несовершенств. Истинный цадик сможет устранить страдания только в

случае испытания им этих страданий и приобретения определенного опыта, крайне необходимого для исправления душ. В контексте брацлавского хасидизма появляется проблема «падения цадика». При этом обратим внимание: именно в процессе устранения страдания и предстает величие истинного служения Господу, а критерий праведности состоит скорее в служении Всевышнему, а не в результатах этого служения.

Следовательно, уникальность брацлавского хасидизма обусловлена харизматичностью и особенностями мировосприятия его основоположника.

Литература

1. Брейтер И. Семь столпов веры. День жизни брацлавского хасида.– Иерусалим: Исслед.ин-т.брацлавского хасидизма, 1992. – 64 с.
2. Грин А. Страдающий наставник. Жизнь и учение рабби Нахмана из Брацлава.–М.:Мосты культуры-Гешарим, 2007. – 487 с.
3. Дубнов С. Религиозная борьба среди русских евреев в конце XVIII века // Восход – СПб. – 1893. – Кн. 2-3. – С. 67-99.
4. Крупицкий З. Хасидизм,его происхождение, философская сущность и культурно-историческое значение. – К.: Тип. Лубковского, 1912. – 59 с.
5. Рассказы о необычайном рабби Нахмане из Брацлава с комментариями А. Штейнзальца. – М.: Ин-т изучения иудаизма в СНГ, 2000. – 320 с.
6. Учение рабби Нахмана из Брацлава. – Иерусалим: Амана, 1991. – 293с.
7. Хасидская мудрость / Сост. Лавский В. В. – М.: Алетея, 1999, – С.146-210.

Фуркало В. Хасидизм рабби Нахмана из Брацлава.

В статье рассматриваются основные аспекты религиозной доктрины

основателя брацлавского хасидизма. Подчеркивается понимание Нахманом проблем значимости веры, молитвы, теодицеи, цадика, принципов имманентизма, единения человека с Богом, тшувы.

Ключевые слова: вера, истинный цадик, исправление душ, духовное обновление мира.

Furkalo V. Hasidizm of Nakhman Braclavskiy.

The article deals with the main aspects of religious doctrine of the founder of Bratslav hasidizm.

The research reveals Nakhman's understanding of the problem of significance of faith, prayer, teodicei, tsadik, principles of immanentizm, unity of man with God, teshuvi.

Key wods: faith, veritable tsadik, correction of the souls, spiritual update of the world.